

БРАТЯ НОБЕЛИ

63.3(4Шве)

К65

СА-408728

16+

Федор
Константинович
Петр
Люккисон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Оренбургской областной
научной библиотеке
имени Н.К.Крупской
от Федора Константинова
с пожеланием добра!

2024.
Линд

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(2024)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2214

(2014)

Федор Константинов,
Петр Люкилсон

БРАТЬЯ НОБЕЛИ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШВЕДСКОЙ СЕМЬИ

ca-408428

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
Часть первая. КРОВЬ — ВЕЛИКОЕ ДЕЛО.....	8
Глава первая. Из грязи в князи	8
Глава вторая. Отец семейства.....	14
Глава третья. Умом Россию не понять.....	27
Глава четвертая. Создатель мин	35
Глава пятая. Здравствуй, оружие!	45
Глава шестая. Снова вместе	51
Глава седьмая. Человек-локомотив	59
Глава восьмая. Страдания юного Альфреда	62
Глава девятая. На войне как на войне.....	70
Глава десятая. Плыдем ва-банк	78
Часть вторая. ПРОДВИЖЕНИЕ В МИРЕ	87
Глава первая. Отец и дети.....	87
Глава вторая. Укрощение «гремучего дьявола».....	97
Глава третья. Бремя больших ожиданий	108
Глава четвертая. Динамит начинается.....	129
Глава пятая. Кому война, а кому мать родная.....	141
Часть третья. БИЗНЕС ПО-БРАТСКИ.....	150
Глава первая. Одинокый джентльмен в поисках любви ..	150
Глава вторая. Людвиг и Роберт	166
Глава третья. Крепкий орешник.....	179
Глава четвертая. Товарищи и товарищество.....	189
Глава пятая. Новое детище «отца динамита».....	212
Глава шестая. «Папик»	219
Глава седьмая. Страдания неюного Вертера.....	228
Часть четвертая. НОБЕЛЕВСКИЕ МИЛЛИОНЫ	238
Глава первая. Ведь были ж схватки боевые.....	238
Глава вторая. Альфред — спокойный среди бурь	255
Глава третья. Между Софи и Бертой	263
Глава четвертая. В поисках огня без дыма	274
Глава пятая. Хождение по душевным мукам.....	294
Глава шестая. Рай за Черным городом	304
Глава седьмая. Начни сначала.....	315
Глава восьмая. На ниве мира, на полях войны.....	327
Глава девятая. Переломный возраст.....	341
Глава десятая. Личное и общественное	356
Глава одиннадцатая. Молодой человек преклонного возраста	365

Глава двенадцатая. Тем временем в России.....	376
Глава тринадцатая. Закат титанов.....	386
Часть пятая. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ.....	400
Глава первая. Странности начинаются.....	400
Глава вторая. Миссия выполнима.....	406
Глава третья. Победа.....	415
Глава четвертая. За кулисами главной премии мира.....	420
Глава пятая. «Я согласен на медаль».....	430
Глава шестая. Гибель империи.....	439
Послесловие.....	456
Приложения.....	459
Основные даты жизни и деятельности династии Нобелей..	467
Краткая библиография.....	475

Людвига и Альфреда Нобелей. У Бриты-Катарины от первого супруга уже был сын и две чудесные дочери, а у Эммануила от Анны Россель осталась только семилетняя Анна-Шарлотта.

Супруги стали жить в Евле в доме погибшего мужа Бриты-Катарины — жили в мире и согласии, воспитывая старших детей от предыдущих браков и благословляя небеса за последующее рождение уже их общих детей, девочек Бриты (1803) и Амалии (1805). Этот брак окажется счастливым, что видно по завещанию Бриты-Катарины Альберг, составленному за год до ее смерти в 1822 году. Единственному сыну от этого союза, Эммануилу-второму, суждено было стать промышленником и инженером-изобретателем, неординарным химиком-самоучкой, а самое главное, — отцом трех необычайно одаренных сыновей, каждому из которых будет суждено прославить фамилию предков на весь цивилизованный мир.

Глава вторая

ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА

Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы.

Н. М. Карамзин

Самое время составить подробный портрет отца трех будущих «шведских богатырей», хотя всевозможные заслуги, достижения и черты характера этого незаурядного шведа будут проступать в различном контексте на протяжении всей книги. Тем не менее уже сейчас, «во-первых строках» нашего «письма» об Эммануиле Нобеле, можно сказать первое и главное. Это был настоящий *self made man*, «человек, который сделал себя сам», упрямо и неотступно продолжая менять себя самого и вселенную вокруг себя на протяжении всей жизни.

Судя по всему, гонорары Эммануила Нобеля-старшего (на какое-то время он отправляется из Евлы на север в город Сундсвалле работать лазаретным фельдшером) не позволяли ему достойно содержать семью. В 1815 году, когда сыну исполнилось 14 лет и тот достиг возраста, в котором, по понятиям того времени, мужчина должен начать зарабатывать себе на жизнь, Нобель-старший записывает его

в качестве соискателя на какое-либо место в морское ведомство в его родном Евле. В июне того же года Эммануил был взят кают-юнгой на большое парусное судно «Фетида», занимавшееся, судя по всему, грузоперевозками по всему миру, но большей частью в бассейне Средиземного моря. В задачу кают-юнга военного флота, как следует из названия этой должности, входили уборка и обслуживание кают капитана и офицеров на корабле, но на торговом судне речь шла о денщике капитана. Так как в итоге Эммануил Нобель-младший прослужил в этой должности три года, то можно предположить, что он с ней успешно справился.

Неизвестно, в каких именно странах ему довелось побывать за это время, но, без сомнения, в их число вошли Греция, Италия, Египет, Турция, а также, возможно, Франция с Испанией и Португалией. Во время плавания он освоил основанный на итальянском средиземноморский язык «лингва франка». Этот международный язык, служивший главным средством общения моряков всех народов, ходивших тогда по Средиземному морю, подобрал в себя немало слов из турецкого, арабского, французского, испанского и других языков. Не исключено, что за эти три года жизнь юного Эммануила не раз подвергалась смертельной опасности, но и об этом мы знаем очень немного. Известно лишь, что однажды во время плавания он заразился чумой, и трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не некий Измаил Гибралтар не настоял бы на том, чтобы отправить юношу на берег к врачу. Чуму тогда еще не лечили, и поскольку юноша успешно вылечился, можно предположить, что он болел чем-то другим, гораздо менее тяжелым.

Гибралтар был одним из тех международных авантюристов, какими изобилует XVIII век, но которые еще встречались и в начале куда более рационального XIX-го. В качестве капитана почтового судна он избороздил почти весь мир; немного торговал и занимался шпионажем в пользу Турции, а в 1810-х годах был генеральным поверенным турецкого паши Египта; среди прочего в его задачу входила закупка в Европе различных видов оружия, в первую очередь артиллерии. С этой целью он и решил направиться в Швецию и использовал юного Нобеля, с которым, вероятнее всего, познакомился в Александрии, в качестве учителя шведского языка. Судя по всему, Эммануил оказался неплохим педагогом, так как, появившись впервые в Стокгольме в 1817 году, Измаил Гибралтар более или менее сносно изъяснялся по-шведски. В то же время знакомство с этим повидавшим раз-

ЧЕЛОВЕК-ЛОКОМОТИВ

Секрет перемен заключается в том, чтобы направить всю свою энергию не на борьбу со старым, а на создание нового.

Сократ

Выше уже говорилось, что Россия в первой половине XIX века, несмотря на, казалось бы, бездонные природные ресурсы, безмерные территории, выходы к морю и множество других экономически выгодных условий, была страной отсталой. Толковых реформ проводилось и даже предлагалось прискорбно мало, исполнялось же на деле и того меньше. Зерно и разнообразные богатства недр целыми составами вывозили за границу, а изделия промышленности, в том числе тяжелой, теми же составами импортировали. Ситуация стала меняться только к середине века — в 1836 году было принято положение об акционерных обществах, по которому деловитым иностранцам, пронырливым, как тот же Нобель, разрешили на равных с россиянами вступить в конкурентную гонку за развитие промышленного рынка. И как следствие, за получение прибыльных государственных заказов.

С того десятилетия, с начала сороковых годов, европейская часть Российской империи обзаводилась крупными и мелкими предприятиями, мастерскими, фабриками, «заводами и пароходами», а стало быть, новыми рабочими местами и готовой продукцией, производимой на них для нужд государства.

Немногие знают и помнят, что иностранцы в этот период в Санкт-Петербурге не только возводят архитектурные комплексы и ансамбли. Но и, например, как династия шотландских промышленников Бердов в своих новых литейных мастерских, изготавливают металлоконструкции для крупных мостов города и проектируют первый российский пароход, за что получают исключительную привилегию на производство всех пароходов в России.

Как видим, потребность в иностранных специалистах и новых предприятиях, оснащенных станками и оборудованием для производства буквально всего и вся не только в Петербурге и Москве, но и в глубоких уральских, сибирских провинциях (там ведь тоже отсутствовали мосты, котлы и отопление) была первостепенно важна для развития стра-

ны. Работы хватало на всех, и каждый дельный иностранец мог выбрать для себя определенную нишу. Тем не менее два десятка первых механических мастерских, возникших к 1850 году, не справлялись с заказами. Развитие промышленности тормозила неповоротливая бюрократическая машина, управляемая прожорливыми казнокрадами.

Реальное положение дел в николаевской России хорошо понимал информированный и прогрессивно мыслящий полковник Николай Огарев. Он-то и оказался наиболее подходящим партнером для Эммануила Нобеля. В любой нужный момент он мог попасть в высокий чиновничий кабинет и добиться определенной резолюции. Так и случилось, когда в феврале 1843 года Огарев по просьбе Нобеля обратился в Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов с прошением о получении десятилетней привилегии на машины для механического изготовления колес.

Спустя год, в апреле 1844-го, деловым партнерам выдали желанную привилегию и уже осенью они получили разрешение начать производство под торговой маркой «Привилегированная фабрика механического изделия колес и чугунно-литейный завод полковника Огарева и г-на Нобеля». «Колесное» предприятие, что называется, завертелось в литейной мастерской ее бывшего владельца купца Карла Грейсона. Мастерская состояла из двух отдельных одноэтажных корпусов, где Нобель установил паровую машину, четыре плавильные печи и один центральный горн.

С этого времени на Петербургской стороне набережной Большой Невки, где располагались цеха и трудились первые 26 рабочих, в близстоящих домах стали слышны звонкие удары из кузницы и за версту виден дым из кирпичных труб мастерских. Главная проблема у предпринимателей возникла с подбором профессиональных кадров. «Найти специалистов в промышленно отсталой России было очень трудно. Наибольшая часть рабочей силы была привязана к земле, население было преимущественно безграмотным, и, кроме того, было распространено пьянство. Но все же, какими бы совершенными ни были машины, завод не мог управляться исключительно неквалифицированной силой. Как и в случае со Сведбергом, Огареву и Нобелю приходилось выписывать образованных рабочих, служащих, мастеров и инженеров из Швеции и Финляндии»¹.

¹ Янгфельдт Б. Нобели в России. С. 54.

Нобель отправлял своих представителей в Швецию с целью вербовки самых квалифицированных мастеров чугунолитейных заводов, которые могли бы технически обслужить его прокатный стан («станок для производства колесных ступиц»), между прочим, первый в России, установленный именно в мастерских на Большой Невке. Но специалистов приходилось ждать по несколько месяцев, что побудило нетерпеливого Нобеля реализовать у себя идею английского инженера Марка Брюнеля. Тот в свое время предложил британскому военно-морскому флоту «серийное изготовление колес», основанное на принципе механизма машины для изготовления талей — подвесных устройств по перемещению грузов. В единицу времени машина Брюнеля производила то же количество деталей, что и 110 рабочих вручную. Следовательно, помимо внушительного выигрыша во времени и экономии материально-технических затрат, автоматизация процесса дала возможность безопасного управления производством рабочим, не имеющим соответствующего опыта и квалификации.

Бурная деятельность мастерских «Огарев и Нобель» не ограничивалась изготовлением колесных ступиц, благодаря которым их главным образом и помнят. Мастерские в скором времени запустили производство первых в России труб центрального отопления, получили заказ на изготовление металлических стропил для Эрмитажа, железнодорожных костылей и оконных решеток для немецкой церкви Святой Анны. Молва о качестве выпускаемой продукции росла, в заказах отбоя не было. За пять-шесть лет «механические мастерские» превратились в большой завод с литейными цехами, кузницами, прессами, паровыми молотами. Репутация изобретателя росла, а придуманные им конструкции фугасных мин «для уничтожения противника на значительном расстоянии» в очередной раз обратили на себя внимание Николая I и были по заслугам вознаграждены. В 1850 году Нобелю было пожаловано звание купца первой гильдии и в том же, счастливом для него году он наконец-то рассчитался с прежними долгами, заставившими его покинуть родину в далеком 1837-м.

К этому времени партнеры расстались друзьями, когда Огареву был пожалован казенный чугунолитейный завод, перешедший в 1855 году в его собственность. В 1851 году Нобель, выкупив долю партнера, переименовал предприятие в «Литейно-механическую мастерскую Иммануила Нобеля и сыновей», или, сокращенно, «Нобель и сыновья».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БИЗНЕС ПО-БРАТСКИ

Глава первая

ОДИНОКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

Если одним словом можно сделать счастливым человека, какой нужно быть скотиной, чтобы этого не сказать!

Ромен Роллан

Рождество 1872 года Альфред встретил в купе поезда, мчавшего его в Италию. Встретил в полном одиночестве, и когда Роберт узнал об этом из письма брата, то пришел в недоумение от столь странного выбора — ведь он же так настойчиво приглашал его к себе в гости в Санкт-Петербург на эти дни, когда весь город был охвачен праздничной лихорадкой! В самом этом одиночестве на Рождество нам видится символ всей последующей судьбы Альфреда Нобеля — он так и проживет один до конца дней и так же, в одиночестве, встретит смерть. Одиночество было главным проклятием и благословением его жизни: с одной стороны, его всегда тянуло в общество, ему хотелось любви и признания тех, к кому он сам испытывал искреннее уважение, людей его круга, его силы ума и его интересов. С другой — оказавшись даже в самой симпатичной ему компании, Альфред довольно быстро начинал ею тяготиться, и он чувствовал, как его неумолимо снова тянет в одиночество — к его книгам, в его лабораторию, где нет никого, кроме понимающего его с полуслова верного ассистента-лаборанта.

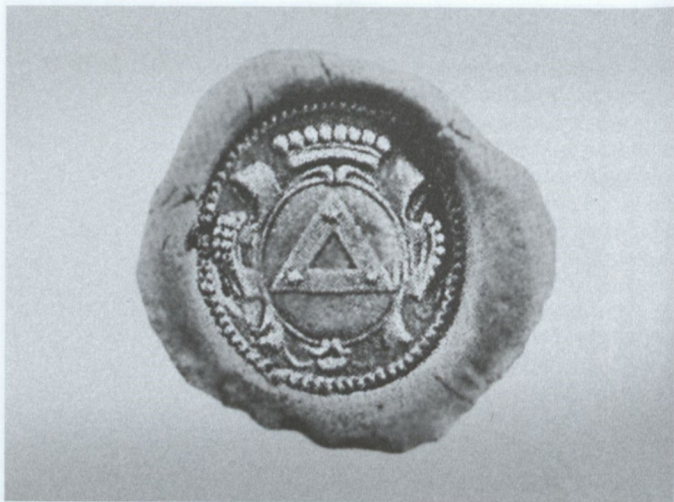
Он, безусловно, мечтал о создании семьи, но семья с неким существовавшим в его воображении идеалом женщины, которая будет одновременно умным и вдумчивым собеседником, замечательной любовницей и идеальной ма-

терью его детям. Об этом его идеале женщины с некоторой иронией пишут почти все биографы Альфреда, упоминая о том, что в стихах он писал о «высочайшем экстазе слияния душ и тел». А между тем он уже приближался к своему сорокалетию — возрасту, когда вроде бы пора прощаться с романтическими грезами юности.

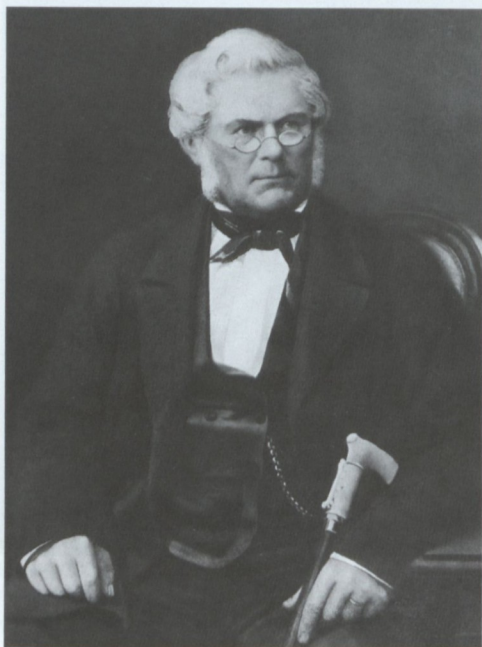
Многие его деловые партнеры были уверены, что он женат, и просили в письмах и при встречах передать свое почтение мадам, миссис или фрау Нобель. Так, в канун Нового 1872 года его американский адвокат Альфред Рикс отправил поздравления с праздником, приложив к ним семейные фото, и попросил в ответ фото Нобеля с женой. «Моя жена, когда я найду существо, готовое разделить со мной кочевую и рискованную жизнь, будет счастлива обмениваться фотографиями с госпожой Рикс, однако пока я холостяк, хотя и вопреки собственной воле», — ответил на это Нобель своему тезке.

Те годы были необычайно удачными для Альфреда с деловой точки зрения. Достаточно сказать, что к концу 1873 года он значился соучредителем 15 заводов в разных странах Европы, а также в США. В Италии такой завод находился в расположенном неподалеку от Турина городке Авильяна, и здесь Нобель столкнулся с весьма неприятной ситуацией: многие итальянцы были уверены, что он является плагиатором, поскольку честь открытия нитроглицерина принадлежит их соплеменнику Асканию Собrero, а значит, и фактическим изобретателем динамита тоже является именно он. Похоже, сам Собrero в глубине души думал точно так же и даже пытался создать собственный вариант динамита на основе тосканского песка, правда, без особого успеха. Но Нобель нашел способ успокоить бурные итальянские страсти вокруг него и его детища, назначив Собrero научным советником на своем заводе с щедрым пожизненным жалованьем, а после смерти химика установил возле завода его бюст.

Единственной страной Европы, где производство и транспортировка динамита были запрещены, теперь оставалась Франция, но здесь все было в руках главного компаньона Нобеля Поля Барба — именно он, а не кто-то другой, должен был добиться отмены запрета. И Барб энергично принялся за дело, для начала напомнив правительству Франции о заключенном им с Гамбеттой договоре 1870 года и потребовав огромную неустойку за его невыполнение. Гамбетта тоже подсуелится и стал угрожать вынести данный во-

Печать судьи
Петера Нобелиуса

Эммануил Нобель.
(1801—1872)

Альфред Нобель
со старшим братом
Людвигом. 1854 г.

Эмиль Оскар
(1843—1864),
младший брат
Альфреда Нобеля.
Единственная
сохранившаяся
фотография. 1864 г.

Памятник Альфреду Нобелю в Баку

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НОБЕЛЕВСКИЕ МИЛЛИОНЫ

Глава первая

ВЕДЬ БЫЛИ Ж СХВАТКИ БОЕВЫЕ...

Ты сначала строишь, а потом добываешь средства, я же, наоборот, предлагаю в будущем всегда начинать с добывания средств и только потом расширять дело.

Из письма Альфреда Нобеля
Людвигу

«Я до сих пор с ужасом вспоминаю о его времени в Баку, о его буйности и технической неумелости. Он любил окружать себя людьми, которые, хотя и были хороши в нравственном плане, отличились свойствами, сходными с овечьими. В его присутствии независимые натуры чувствовали себя неудобно, и служебный штат был соответствующий», — с глубокой обидой на брата напишет Людвиг Альфреду в Париж в 1883 году спустя несколько лет после того, как Роберт окончательно покинет каспийское побережье.

Накануне отъезда из Баку в конце лета 1880 года Роберт провел целый ряд назначений, в том числе сделал техническим директором «Бранобеля» все того же надежного и проверенного Альфреда Тернквиста, который, помимо прочего, являлся финансово ответственным за деятельность механической мастерской завода Людвига в Петербурге.

На пост главного управляющего товарищества с одобрения акционеров Роберт назначил шведского инженера с большим авторитетом и опытом Карла Ульльнера. Но почти сразу после назначения у Ульльнера обострился застарелый туберкулез, из-за чего его в сопровождении юного Карла Вильгельма Хагелина отправили на лечение в Швей-

царию. Больной осилил дорогу только до Вены, где и скончался на глазах у Хагелина и Роберта Нобеля, который как раз в тот момент по каким-то своим личным вопросам находился проездом в Вене. Родные Ульльнера прислали в Вену срочную телеграмму с пожеланием похоронить покойного в Финляндии, но для церемонии прощания в Вене все уже было готово, и Роберт, словно оправдываясь и даже всплыв, попросил Хагелина ответить: «Мы получили телеграмму не до, а после похорон. Если кому-то непременно хочется устраивать похороны в Гельсингфорсе, надо предупредить заранее».

Пройдет семь лет, и в 1891 году Карл Хагелин, обрета необходимый опыт на производстве, будет назначен техническим директором, а затем — главным управляющим в «Бранобель». «Эту должность занимали до Хагелина многие, но мало кто оставался на ней столь долго и добивался таких успехов», — справедливо напишет о Хагелине один из членов совета товарищества Ханс Ольсен. Сразу скажем, что ставка, сделанная Нобелями на юного Хагелина, была дальновидной и весьма удачной. Его отец Вильгельм Хагелин (1828—1901) в свое время успешно работал на нескольких проектах у Эммануила Нобеля в Санкт-Петербурге, а после разорения Нобеля-старшего не пал духом и не пошел по миру. Он стал водить суда по Волге — от Царицына до Астрахани и обратно. Деловые и партнерские отношения, связывавшие Хагелина с Нобелями, неподдельная тяга к знаниям и успехи в учебе его целеустремленного сына Карла были замечены Людвигом Нобелем еще на раннем этапе. Собственно, Людвиг и пригласил толкового юношу в одну из лабораторий своего завода, где Хагелин экспериментировал над процессами получения легких фракций из нефти. В дальнейшем это сыграло решающую роль для развития мировой автоиндустрии, когда через пару десятилетий американцы, используя тот же метод, изобретут бензин.

Постепенно Карл Хагелин станет одной из ключевых фигур для различных проектов Нобелей, а после смерти Людвига сблизится с его сыном Эммануилом. В конце 1887 года он будет назначен на должность руководителя по перевозкам и хранению нефти в Волжском районе, а в 1891 году, как мы выше сказали, станет техническим директором, главным управляющим «Бранобель» в Баку. В начале XX века товарищество выделит Хагелину 12 миллионов рублей на постройку новых судов и переоборудование старых под дизели. В 1907 году по чертежам, разрабо-

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Глава первая

СТРАННОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

Человек не может владеть чем-либо, пока боится смерти. Но тому, кто ее не боится, принадлежит все.

Лев Толстой

Как нетрудно догадаться, 11 декабря в роскошном доме Альфреда Нобеля в Сан-Ремо стояла мертвая тишина. Покойник лежал на втором этаже, и, как это чаще всего бывает в таких случаях, вплоть до похорон все находившиеся в доме старались избегать разговоров, а если им все же надо было обмениваться мнениями, делали это полупшепотом. Рагнар Сульман чувствовал себя совершенно растерянным. С одной стороны, будучи одним из самых близких к покойному людей, он считал не просто своим правом, но и обязанностью разобрать бумаги Нобеля. С другой — здесь были родные племянники Альфреда Эммануил и Яльмар, и, наверное, им куда больше пристало заниматься и разбором бумаг, и организацией похорон, и становилось непонятно, что же тогда здесь делает он.

Проводя ревизию фамильных вещей, книг, записных и бухгалтерских учетных книжек, эта троица — Рагнар, Эммануил и Яльмар — обнаружила завещание, но старое, с пометкой «Аннулируется и заменяется новым завещанием, составленным 27 ноября 1895 года». А вслед за этим среди бумаг удалось найти расписку, в которой сообщалось, что новое завещание передано на хранение в Стокгольмский частный банк (*Enskilda Banken*).

Дальше, наверное, стоит предоставить слово самому Рагнару Сульману:

«15 декабря, когда я уже лег спать, ко мне в гостиницу пришли племянники Нобеля Эммануэль и Яльмар с известием о только что полученной из Стокгольма телеграмме. В ней сообщалось, что хранившееся в шведском банке завещание Нобеля было в должное время вскрыто и что, согласно этому документу, Рудольф Лилльеквист и я назначены исполнителями завещания. <...>Известие о неожиданно возложенной на меня ответственности стоило мне бессонной ночи. <...> Я телеграфировал Лилльеквисту, прося полномочий действовать от его имени, и на следующий день получил следующий ответ: “Не понял вашей телеграммы. Разве я упомянут в завещании?” Очевидно, Лилльеквист тоже был застигнут врасплох, и поскольку он не был знаком со мной, отправил телеграмму консулу Марсолю с просьбой представлять его интересы»¹.

Итак, все перевернулось в мгновение ока. В качестве исполнителя завещания Сульман мгновенно становился куда более важной фигурой, чем оба племянника покойного. Кто такой Лилльеквист, которого Альфред предназначил ему в напарники, Рагнар понятия не имел, и это лишь усилило его растерянность. И в то же время к нему мгновенно пришло твердое решение: если уж Нобель, которому он был стольким обязан в жизни и который во многом был для него примером, решил сделать его поверенным своей последней воли, то он сделает все, что в его силах и даже больше, чтобы эта воля была исполнена в точности до последней детали — даже если для этого потребуются противостоять всему миру. И вслед за этим сразу пришло сомнение: а сможет ли он справиться с этой миссией, требующей знаний в юриспруденции и других областях, о которых он не имел ни малейшего понятия?

Но пока предстояло выполнить первую, а точнее, самую последнюю часть завещания Альфреда Нобеля — вскрыть покойнику вены прежде, чем его тело предадут кремации. Сульмана, судя по всему, эта просьба не удивила — ему был известен страх Нобеля заснуть летаргическим сном и быть похороненным заживо. Но тут же возникла первая трудность: итальянский врач, которому Сульман передал эту просьбу покойного, стал убеждать его, что в этом нет необходимости — дескать, в ходе бальзамирования он ввел в вены усопшего смертельно ядовитый для живущих этилнитрат, так что никаких сомнений в смерти синьора Но-

¹ Сульман Р. Завещание Альфреда Нобеля. С. 76.

«Я СОГЛАСЕН НА МЕДАЛЬ»

Престиж Нобелевской премии таков, что человека внезапно повышают до нового статуса.

Луис Федерико Лелуар¹

По уставу Нобелевского фонда «награждающие Нобелевской премией учреждения должны предоставить каждому лауреату денежный приз, диплом и золотую медаль, на которой изображен Альфред Нобель и исполнена соответствующая надпись». На всех Нобелевских медалях на лицевой стороне (аверсе) отчеканено изображение Нобеля, его знаменитый профиль, обращенный влево, а на оборотной стороне (реверсе) — аллегория соответствующих науки или искусства.

В зависимости от области наук Нобелевские медали отличаются друг от друга. На медали по литературе изображен юноша, сидящий под лавровым деревом. Он вдохновенно слушает и записывает то, что ему говорит муза. Надпись на латыни гласит: *Inventas vitam juvat excoluisse per artes*. («Изобретение делает жизнь лучше, а искусство — прекраснее»). Также на медали присутствуют слова из бессмертного шедевра Вергилия «Энеида» (песня 6, стих 662—663): «Тем из пророков, кто рек только то, что Феба достойно, Тем, кто украсил жизнь, создав искусства для смертных...» На пластинке под фигурами музы и поэта изящно выгравированы имя лауреата и текст «ACAD. SUEC». («Шведская академия»). Медаль Нобелевской премии по литературе, как и медали по физике, химии, физиологии или медицине, были созданы шведским скульптором и гравером Эриком Линдбергом.

Лицевая сторона медалей Нобелевских премий по физике, химии, физиологии или медицине одинакова. На ней изображен профиль Альфреда Нобеля с надписью «Alfr. Nobel» и даты его жизни по-латыни: «NAT-MDCCC XXXIII OB-MDCCC XCVI» («Родился в 1833-м, умер в 1896 г.»).

¹ Луис Федерико Лелуар (1906—1987) аргентинский биохимик, первый испаноговорящий лауреат Нобелевской премии по химии, присужденной в 1970 году «за открытие первого сахарного нуклеотида и изучение его функций в превращении сахара и в биосинтезе сложных углеводов».

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49